

Российская Академия Наук

Научный совет РАН «История мировой культуры»

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, к.724, тел./факс (495) 995-14-52, e-mail: intelros@intelros.org

Рабочие материалы Комиссии. Вып. №2 (77) март 2016

(авторская серия Александра Неклесса, © 2016¹)

Александр Неклесса

СМЫСЛ СЛОВ

Война и Постсовременность: государство, безопасность, вооруженные силы

A kind of sinister intellectual superiority accrued to those <...> who turned their minds to this task of disruption, which often extended to the development of new methods of finance, trade, war, and social organization...

Karl Polanyi «The Great Transformation»

Подвижная реальность

В сложном мире реализуются разные сюжеты. Футур-история отбрасывает множественную тень, выбор же сценария зависит от интерпретаций и позиции.

Из эпохи индустриализма человечество мигрирует в новый мир, где категория количества утрачивает прежнее значение, а категория сложности становится универсальной величиной, пронизывая различные аспекты реальности: политические организмы, социальные и экономические конструкты, механизмы действия. Сложные системы эксплуатируют транзит, отрицая равновесие и воспроизводя критичность. Черная королева поучала Алису в Зазеркалье: «Чтобы оставаться на месте, нужно очень быстро бежать, а чтобы продвигаться нужно бежать вдвое быстрее». Однако совет оказался двусмысленным, он сродни философии апгрейда, т.е. улучшения существующего. Более верная сентенция звучит сегодня, пожалуй, следующим образом: «Не столь важна скорость, с которой двигаешься, сколько направление движения». При правильном применении данной тезы черепаха уверенно обгоняет Ахилла.

Реконструкция социокосмоса сопровождается аксиологическим и гносеологическим кризисом, разрушением рамок нормативного дискурса («окон Овертона»), преодолением психофизиологического барьера, стимулируя активное представление будущего, радикальную реорганизацию мыслительной политики и творческого процесса. Происходит обновление оргструктур и проблематики интеллектуальных корпораций, форм трансляции знания,

¹ Александр Неклесса – председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН), заведующий Лабораторией «Север – Юг» ИАФРРАН. Автор в прошлом управляющий Службы стратегического анализа МАПО МИГ, эксперт Совета Обороны РФ. Сокращенная версия доклада публикуется в «Независимой газете» 16.03.2016.

методологии познания-действия-управления, переоценка роли нематериальных активов, выливающиеся в генезис сложной личности, освоение ею новых когнитивных пространств и кодов высокоадаптивной самоорганизации.

Будущее, как и вся вселенная социальной практики, создается людьми. Политик, на чью долю выпала в свое время возможность результативно повлиять на status quo, мыслил мир следующим образом: «Сегодняшний день не похож на вчерашний – вот главное, что надо понять <...> Во всякий миг в мире происходит что-то новое. Все находится в состоянии движения, panta rei, говоря словами греческого философа Гераклита <...> Ни в природе, ни в истории, ни в материальном мире, ни в мире духовном, в обществе и государстве ничто не стоит на месте. Рутинa – первый враг государственного деятеля. Надо объявить войну рутине, устарелым шаблонам действия и мысли. Мы должны обладать полнотой знания о мире – и видеть мир таким, каков он есть сегодня, а не таким, каким был вчера, или таким, каким мы хотели бы его видеть» (Бен Гурион).

Вхождение в исторический транзит сопрягает устремления цивилизации с множественностью криптограмм современного мира:

- трансформация мировой политической системы и культурная/контркультурная революция;
- высокоиндустриальный прорыв и кризис ресурсной экономики;
- финансовая критичность и горизонты освоения киберпространства как виртуальной социальности;
- вероятность неоиоляционизма Америки и частичной дезинтеграции или реконструкции Европейского Союза;
- развилки будущего Китая, сценарии транстихоокеанского партнерства, прогнозы южноамериканской интеграции, генезис нового «поколения развития»;
- метаморфозы ислама вкупе с шиито-суннитскими противоречиями;
- исход людей Юга и европейские страхи относительно «синдрома Франкенштейна» – возможной перемены стиля жизни, модификации миграционного и федеративного статусов, режимов демократии и безопасности;
- пертурбации углеводородной энергетики и эколого-климатический барьер;
- демографический вызов и эпидемиологические проблемы.

Кроме того ряд ситуаций связаны с напряжением в сфере безопасности: ИГИЛ-сирийская комбинаторика; конфликт на территории Европы – в Украине и общий кризис постсоветского пространства; северокорейский прорыв в сфере ракетно-ядерных технологий.

Модернизация институтов, инструментов и технологий сменяется пересмотром всей системы взаимодействий. Растет трансграничная мобильность, повышаются риски, формируется многоликий, все менее определенный универсум, усложняется его элитный зонтик. В деятельной вселенной складывается социально-правовой консенсус, изменяющий архитектуру и архитектонику цивилизации. В дисперсной среде актуализируется социокультурная гравитация (аттракция), заметна критическая роль антропологического фактора, идет активное перераспределение человеческих ресурсов на планете.

Коррекция прописей реальности отстает от происходящего, и как результат мы попадаем в ловушки интеллектуального кризиса, неточных карт, дефицита имен для нахлынувшей новизны.

Гибридная метаморфоза

Слова, используемые для описания человеческой вселенной, сохраняются достаточно долго: *государство, безопасность, война etc.*, но вкладываемый в них смысл меняется, подчас существенно. В результате мы оказываемся в плену метафор и двусмысленностей, прежние категории начинают отягощать осознание перемен.

Национальное государство, переживает трансформацию и профанацию. Лишенное былых возможностей управления человеческими траекториями оно утрачивает универсальность, сохраняя вместе с тем качества и блага суверенного правового сообщества. Параллельно возникают инновационные формы политической организации: мировые регулирующие органы, страны-системы, различного рода субсидиарные автономии и сепаратистские образования, квазисуверенные государства, геоэкономические интегрии, государства-корпорации, слабоформализованные, но влиятельные сообщества (антропо-социальные структуры)... Приблизительно то же относится к институту войны. Средневековые войны, битвы эпохи Просвещения, индустриальные сражения – различаются весьма заметно, однако, их специфика представляется не столь существенной, как та трансформация, которая происходит сейчас в данной сфере. И та, которую еще предстоит пережить.

После мировых войн XX века, казалось, наступила долгая пауза: смертоносное наследие само по себе стало сдерживающим фактором, заставив искать обходные пути для силовых интервенций. На планете возникали спорадические военно-политические конфликты, на периферии велись локальные и ползучие войны, чаще низкой интенсивности, однако со значительным суммарным числом жертв. Большинство событий интегрировались в комплекс, называемый Холодной войной, чье содержание до сих пор остается предметом дискуссий: это иной формат реальной войны со своей логикой, технологиями, битвами, жертвами, или же грандиозная метафора – «мир, который не есть мир» (Дж. Оруэлл), заполнившая паузу перед очередной вспышкой «настоящей» III мировой войны?

Война – хирургия перемен, форма насилия и кризисная самореализации политорганов в критических и стремительных обстоятельствах. Она имеет целью изменение существующего порядка в определенном направлении либо его реорганизацию в том или ином ареале. Причем выбор характера, средств и вектора трансформаций подчас оказываются важнее полноты исполнения замысла.

Привычные шаблоны нередко застилают смысл и обстоятельства их породившие. Так в условиях мирового консенсуса и мощной технологической оболочки цивилизации территориально-властное мышление, связанное с геополитикой, оказывается все менее актуальным и эффективным. Современные войны не имеют целью оккупацию территорий – контроль над ситуацией или управление ресурсами обретается иным и менее затратным образом, хотя рецидивы случаются. Планирование и экспансия руководствуются суммой черновики повседневности либо прописями из арсенала других, нежели геополитика, универсальных концептов: геоэкономики, геокультуры, геоантропологии. Происходит переоценка категории силы, меняются объекты, способы и пространства ее проекции. Военная машина – это мощь, которая способна влиять на обстоятельства, не только изрыгая огонь и железо, но отбрасывая на возникающие ситуации влиятельную (действенную) тень.

В русле диверсифицированного подхода к обеспечению безопасности логично ожидать переоценку и перераспределение национальных ресурсов, учитывающее как изменение количественно-качественного баланса, взаимопроникновение внутренних и внешних аспектов, так и критичность в отношении ряда военно-технических средств. Рост стоимости современной

военной техники превышает темпы роста военного бюджета, а цена обслуживания возрастает еще быстрее, причем большая часть этой техники никогда не используется на поле боя. Тем самым инициируется переоценка целесообразности ее прежней номенклатуры, а также объемов производства, что является проблемой и закладывает предпосылки серьезного конфликта.

Популярная сегодня гибридная метаморфоза может рассматриваться как коррекция летального, кинетического формата насилия, достигаемая путем системной имплантации нетрадиционных и экстраординарных мер в ткань повседневности. Она по-своему рачительна относительно объема физических деструкций, числа жертв и разрушений. При этом, однако, происходит уплощение права и дискредитация его канонов, чреватые к тому же переосмыслением фундаментальной солидарности. Иными словами, гибридная война помимо достижения в той или иной ситуации своих конкретных целей, оказывает негативное суммарное воздействие на общество, его мораль и нормы. Юриспруденция в чреде возникающих ситуаций оказывается относительной, конъюнктурной, отчасти «рыночной», а не мировоззренческой, т.е. ценностной категорией. Внося значимые искажения в гармоничности коммуникации, гибридная стилистика влияет, таким образом, на саму модель цивилизованных отношений и пропорции действительности, разрушая в сущности не столько мир, но его культурные основания, смысловую картину.

«В XXI веке прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а начавшись – идут не по привычному нам шаблону. <...> ”правила войны” существенно изменились. Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходили силу оружия. Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте», – так еще в январе 2013 года суммировал изменения в характере военных действий начальник российского Генерального Штаба Валерий Герасимов (т.е. примерно за год до развертывания украинского сюжета).

Кроме того, комплексный характер силовых операций предполагает не только разнообразие средств, применяемых для выполнения той или иной задачи, но также сопряжение разнородных субъектов, преследующих различные цели, однако же, в силу сложившихся обстоятельств действующих примерно в одном направлении. Демонстрацию подобного состояния дел можно наблюдать, к примеру, в Сирии.

Актуальная паравоенная повестка – экспансия культуры смерти и трансграничного терроризма, использующего преимущества распределенной организации и сетевого «управления дикостью» (*undernet*), что повышает адаптивность и эволюционные возможности. Не касаясь подробно проблемы суицидального терроризма, отмечу, что «шахидизм» вряд ли следует рассматривать как исключительно исламистское явление, его корни вероятно глубже, а квази-ислам возможно скрывает более опасные формы агрессии по отношению к современной культуре и цивилизации: колонизируя земли, где социальный и культурный императив замещается психологической доминантой. Подобное расширение военной проблематики вновь вводит в оборот тему различия усилия и насилия.

Черты феномена напоминают, отчасти, течение инфекционных заболеваний или поведение перманентно атакуемых популяций. Соответственно эффективная («гиперэкологическая») стратегия их купирования может строиться не только на успехе собственно военных операций, но главным образом на уяснении явления и модификации среды.

Предприятие для производства безопасности

Война, действительно, становится слишком сложным предприятием, «чтобы доверять ее лишь военным» (Талейран), и это отражается в структуре генерального предприятия по обеспечению внешней безопасности. Не только его высшее руководство: главнокомандующий, министр обороны все чаще являются гражданскими лицами, но ряд комплексных и непредвиденных ситуаций разрешаются гражданскими специалистами. Привилегия же военных, т.е. «технических специалистов» – непосредственное руководство традиционным боевым инструментарием: обновляемыми вооруженными силами.

Холдинг действует, развивая и применяя модификации средств господства, не обязательно связанные с прямым использованием войск, привлекая к процессу различного рода частные предприятия и венчурные организмы. Значительное внимание уделяется опережающим разработкам, а также адаптации технологий, перетекающих в военную сферу из гражданской. В том числе высоких гуманитарных технологий – high huma. За период после «горячей» мировой войны сменилось несколько методологических форматов, связанных с анализом сложных ситуаций и управлением масштабными событиями: исследование операций, системный анализ, системная (индустриальная) динамика, управление матричное, косвенное, синергийное. На основании данных методологий создается эффективный методический и технологический инструментарий, применяемый при планировании и реализации военных операций.

Так в ходе операции «Буря в пустыне» использовалась методика рефлексивного управления противником: учет при планировании событий ментальности Саддама Хусейна, предполагая высокую вероятность существенного изменения характера иракской обороны при признаках продвижения войск США в направлении не Кувейта, а Багдада. В результате траектория движения американских частей, якобы направленная в центр страны, образовала дугу, вонзившуюся в ослабленную оборону оккупированного Кувейта. Во время второй иракской кампании («Иракская свобода») также применялись оригинальные методики, в частности связанные с блокированием счетов, сопровождавшимся указанием на линию поведения, необходимую для их разблокирования.

Операции на Ближнем Востоке, в определенном смысле не имеют временной границы. Скорее они вписываются в стратегический дизайн, представляя звенья, опорные площадки гибкой системы управления, состоящей из следующих элементов:

- поддержание высокой боеготовности войск, находящихся в условиях практически перманентной мобильности или боевых действий низкой интенсивности;
- внешний контроль над ключевыми/критическими зонами и окружающей средой, сохранение быстрого доступа в горячие точки;
- выстраивание синкретичных коалиций, отлаживание коммуникации и комплексного взаимодействия различных сил и агентств в агрессивной среде;
- апробация инновационных методов проведения боевых, разведывательных и логистических операций, включая нетрадиционные; испытание техники и вооружений;

- использование частных военных корпораций, создание конъюнктурных оперативно-тактических союзов и гибридных коалиций.

В пределе важна не «полная и окончательная» победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перехват и удержание стратегической инициативы, создание эффективного управления в подвижной, децентрализованной среде – там, где «события руководят планами» (Роберт Гейтс). Однако, в случае существенного ограничения вовлеченности США в горячие конфликты, не исключена передача значительной части боевой нагрузки союзникам по НАТО и партнерским исламским коалициям.

Все же это именно модификации привычного образа военных действий, правда, с существенными дополнениями. Так, к примеру, расширился список ареалов противоборства: к традиционному перечню суши, моря, воздуха и космоса добавилось киберпространство, в процессе становления – психолого-социальный домен. Продвигаясь в данном направлении, осмысляя и аккумулируя идеологические/метафизические измерения противоборства, военная практика осваивает рецептуру и картографию внутренних усилий и деятельных побуждений...

Трансформация вооруженных сил, реформирование систем управления и национальной безопасности происходит сегодня в разных регионах. В начале этого года в КНР после масштабной антикоррупционной кампании было объявлено о радикальном преобразовании Народно-освободительной армии – не только военного, но и политического, и экономического гиганта, чьи функции к тому же отчасти сливаются с системами внутренней безопасности. Кстати, в отличие от других стран в КНР руководитель государства не является главнокомандующим: главный орган военного управления – Центральный военный совет, при том, что министерство обороны достаточно второстепенный персонаж в этой иерархии. Верховное командование осуществляет председатель ЦВС, которым, как правило, но не обязательно, и является действующий председатель КНР (он же генеральный секретарь ЦК КПК).

Изменения касаются практически всех элементов военной оргструктуры, упор сделан на межвидовое взаимодействие, мобильность, внедрение информационных технологий, постоянную боеготовность. Значительное внимание в НОАК уделяется киберразведке (3-ье управление ГШ) и радиоэлектронной борьбе (4-ое управление ГШ), которые в реформированной структуре вливаются в новый род войск – Войска стратегического обеспечения, выполняющие также другие задачи. Место же прежнего Генерального штаба замещает комплексный Объединенный штаб.

Wise power

В подвижной среде меняется сам язык войны. Растет не только значение высокотехнологичного инструментария, межвидовой связности, скорости и силы социальных взаимодействий, междисциплинарной синергии, информационных и коммуникационных технологий, но также быстрой ориентации в сложном мире, использования неординарных активов и мастерство в создании ситуаций, «превосходящих возможности анализа, прогнозирования, выработки правильных решений и их реализации» противником.

Интеллектуальное банкротство влечет военное поражение. Планирование же на грани высокого горизонта событий обращено к многомерности проекций власти, слаженности ее «жуткого дальнего действия» (Эйнштейн), инакости общей ситуации *per se*, а не к уже познанным формулам и конструктам. Осознание фактов проявляет действительное положение вещей, однако уловленный тренд открывает нечто большее – направление развития, он инкорпорирует преадаптацию как регламент действия. Так в новой оперативной концепции армии США под характерным названием «Победа в сложном мире. 2020-2040» постулируется, что будущие битвы

станут сложными, характер угроз – неопределенным, состав вражеских союзов – непостоянным. Военные операции «будут осуществляться в незнакомой обстановке и в незнакомом месте. При этом армии будут противостоять неизвестные враги, входящие в неизвестные коалиции» (Дэвид Перкинс).

Применять новые регуляции, проявлять способность преадаптации к «войнам Шрёдингера» можно лишь при наличии существенного культурного капитала, особенно в форме неявного/личного знания и когнитивных способностей, интеллектуальных преимуществ и кросс-культурных компетенций. На подходе (в экспериментальной фазе) психофизическое модулирование.

Инсайты «зловещего интеллектуального превосходства» (Карл Полањи) разрабатываются, апробируются и применяются на практике. Это не только экспериментальные образцы вооружений и новые средства господства, но также архитектура умной обороны и ревизия существующих оргструктур, концепты управления многофакторными системами и принципы действий в условиях неопределенности. А прикладные элементы нелинейной динамики – к примеру, технологии кризис-менеджмента – уже лет двадцать как непосредственно взяты на вооружение. В США с различными аспектами проблематики сложности помимо пионера в исследовании комплексных адаптивных систем (физических, математических, биологических, социальных) – Института Санта Фе (SFI) связаны в той или иной мере агентства DARPA и IARPA, Центр стратегических и международных исследований (CSIS), Центр по исследованию сложных операций (CCO) Университета национальной обороны США (NDU), Центр новой американской безопасности (CNAS), Центр умной обороны (CSD) при университете Западной Вирджинии (WVU), Лос-Аламосская национальная лаборатория (LANL) и другие. Отдельная тема в этом ряду – демоны будущего мироустройства и кующееся на кромке планирования оружие завтрашнего дня.

Эклектичный, неопределенный статус постсовременной конфронтации – своего рода «туман мира» как метафора подобной суперпозиции – это симптом общей трансформации социокосмоса, указывающий на высокую вероятность его погружения в состояние перманентной динамической неопределенности «ни мира, ни войны». Отыскивая «объяснительную предпосылку» (Умберто Матурана), тут действительно в пору задуматься о схожести (когерентности) «нелинейной политологии» с постулатами неклассической физики. Кстати, нынешний министр обороны США Эштон Картер имеет два высших образования: он специалист по средневековой истории и доктор теоретической физики.

В общем, как любила повторять Алиса: «Мир становится все чудесатее и чудесатее»... И война тоже.

Рабочие материалы издаются для ознакомления членов Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН в рамках научно-исследовательской программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (реализуемой при поддержке группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» и клуба «Красная площадь»).

Ключевые слова: трансформация, национальная безопасность, война, вооруженные силы, стратегия, планирование, интеллектуальные корпорации, преадаптация.

Key words: transformation, national security, armed forces, strategy, methods of war, think tanks, preadaptation.

***Адрес:** Александр Неклесса, Лаборатория «Север–Юг», Институт Африки РАН; Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

****Для цитирования:** Неклесса А.И. 2016. Смысл слов. Государство, безопасность, война и вооруженные силы // Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. №2 (77) март. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. 8 с.

PERSONALIA

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF), член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии», редколлегии журнала «Актуальные проблемы экономики и права».

Со-руководитель семинара «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН, Лаборатория «Север – Юг»). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, являлся членом аналитической группы Совета Обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее»/FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор приблизительно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдейя (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015), ИНТЕЛПРОС (2003-2016).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология управления в ситуациях неопределенности; философия истории.

<http://intelros.ru>

neklessa@intelros.ru